

**О ЧЕМ (НЕ) МОЛЧАТ ЭКСКУРСОВОДЫ:
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ЭКСКУРСИОННЫХ НАРРАТИВОВ
(на примере Калининградской области)**

Т. В. Белецкая, М. Е. Мегем

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 03.06.2025 г.
Принята к публикации 15.07.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-4

Проанализированы социальные факторы, оказывающие влияние на содержание экскурсионных нарративов. На основе материалов интервью с калининградскими гидами выявлены основные социальные требования, предъявляемые к экскурсоводческой деятельности, и связанные с ними ограничения в повествовании. Среди основных социальных регуляторов экскурсионных нарративов в статье выделены: процесс социализации, социальный контекст самой экскурсионной ситуации, в которой действуют эффекты групповой динамики, а также институциональный контроль. Обосновывается, что экскурсовод является носителем символической власти, которая заключается в его способности придавать значение вещам и событиям и тем самым оказывать влияние на общественное мнение. В этом плане экскурсовод выходит за рамки роли рассказчика, становясь творцом, креатором смыслов. Экскурсоводческая деятельность имеет большое социальное значение и формирует у экскурсантов положительный образ территории, истории и культуры местного населения. Ввиду этого особое внимание в статье уделено также политическому регулированию целей и содержания экскурсий. Сделан вывод о том, что жесткий административный контроль экскурсионных нарративов малоэффективен. На рамки и содержание экскурсионного повествования прежде всего оказывает влияние наличие у гида сформированного профессионального габитуса, включающего в себя осознание социальной значимости экскурсионной деятельности, социальную ответственность, коммуникационные навыки, а также любовь и уважение к краю, его истории и жителям.

Ключевые слова: экскурсовод, экскурсионный нарратив, габитус, социальный контекст, символическая власть, Калининградская область

1. Введение

Если город является текстом, то экскурсовод одновременно выполняет роли и читателя, и переводчика, и интерпретатора этого текста, становясь тем самым и его соавтором. Кроме того, он предстает и трибуном, поскольку регулярно выступает перед аудиторией и своей речью может оказывать существенное влияние на мнение людей. В своем рассказе он дает представление о значении исторических событий, культурных особенностях местного населения, политических и экономических процессах.

Поскольку экскурсионный рассказ затрагивает буквально все сферы социальной жизни, он всегда находится под пристальным вниманием различных социальных акторов — политических властей, экономических элит, научных и культурных сообществ, а также местных жителей. Экскурсовод далеко не так уж свободен в своем повествовании, как это может показаться на первый взгляд. Его деятельность подвергается достаточно серьезному социальному регулированию, а к содержанию рассказа предъявляются многочисленные требования.

Перечисленные обстоятельства приводят к тому, что, выстраивая повествование, экскурсовод вынужден учитывать ограничения, различные по своей природе и характеру, а в некоторых случаях и противоречащие друг другу. В результате, на наш взгляд, в своей работе экскурсоводы часто сталкиваются с весьма серьезными дилеммами, касающимися решения, следовать или не следовать тому или иному правилу или требованию. Ввиду этого определение допустимых смысловых границ экскурсионного рассказа представляет собой неординарную задачу, заслуживающую исследовательского внимания.

Цель данной статьи заключается в выявлении социальных требований к смысловому содержанию экскурсий (экскурсионным нарративам) и особенностей их соблюдения в реальной экскурсионной практике. Основные проблемы выстраивания смысловой рамки экскурсионного рассказа проанализированы на примере Калининградской области. Подобный выбор оправдан несколькими факторами.

Во-первых, калининградский кейс представляет собой уникальный для России опыт выстраивания экскурсионной деятельности в сложной ситуации наличия немецкого прошлого. Ввиду этого местным гидам приходится рассказывать и о чужой для них самих немецкой истории. При этом тема довоенного прошлого в Калининграде долгое время была табуирована и сегодня сохраняет политическую остроту.

Во-вторых, в последние годы в регионе наблюдается масштабный скачок в туристическом развитии, вследствие которого значительно выросло и число экскурсоводов. Многие из них лишь недавно пришли в профессию и еще не выстроили четких стратегий повествования. Кроме того, за короткий период в области значительно увеличилось количество объектов показа, мероприятий и, соответственно, связанных с ними нарративов. Столь быстрый рост затрудняет знакомство с ними и для более опытных гидов.

Наконец, стоит отметить, что, несмотря на указанные выше трудности, сообщество калининградских гидов демонстрирует высокий уровень профессионализма. С учетом сказанного их опыт представляется интересным и востребованным и для других российских регионов.

2. Методология исследования

Хотя в целом подробный анализ экскурсионного повествования встречается редко (если не учитывать внутреннюю экскурсоведческую рефлекссию), научный интерес к нему проявляется регулярно и носит

междисциплинарный характер. Большой вклад в исследование экскурсионного дела внесли петербургские историки И. М. Гревс и Н. П. Анциферов. В рамках авторского подхода «гуманитарного краеведения» И. М. Гревс рассматривал экскурсию как исследование, ключевой метод исторического познания, схожий с методом включенного наблюдения (Грачева, Востриков 2024, с. 16). Н. П. Анциферов представлял суть экскурсии как беседу с «душой» города: «Она должна раскрыть душу города и душу, меняющуюся в историческом процессе, освободить ее из материальной оболочки города, в недрах которой она сокрыта, провести таким образом процесс спиритуализации города» (Анциферов 1922, с. 19). И если экскурсоводу удастся это сделать, то в результате подобной «беседы» с городом становится возможно и «почувствовать некоторое подобие дружбы с ним, войти с ним в любовное общение...» (Там же). В современном экскурсоведении распространено представление об экскурсоводе как педагоге (Емельянов 2007, с. 69). С позиций культурологического подхода О. И. Микитинец и Ю. А. Слободяник рассматривают экскурсию как «возможность не только увидеть объекты культурного наследия, но и выявить контекст, в котором они возникли, лучше понять особенности различных культур, а также проследить изменения в обществе на разных этапах его развития» (2024, с. 163). Они приходят к выводу о сходстве экскурсии и нарратива, в свете чего обосновывают возможность изучать «экскурсию как особый культурный нарратив, а экскурсионный нарратив — как своеобразный способ трансляции культурной памяти» (Там же, с. 165).

Интересный материал, позволяющий заглянуть «за кулисы» экскурсии и иллюстрирующий некоторые из этих групповых процессов, можно обнаружить в статье Э. К. Файн и Дж. Х. Спир. Несмотря на некоторую временную отдаленность (исследование было проведено в 1985 году), полученные ими выводы представляются полезными и сегодня по причине слабой освещенности темы экскурсоводческого поведения и экскурсионных нарративов в научном дискурсе. Главная ценность их исследования заключается в методологии — это этнографический анализ выступлений (перформансов) экскурсоводов в доме-музее ботаника Фердинанда Линдхаймера (Нью-Браунфелс, Техас) посредством включенного наблюдения. Файн и Спир приходят к выводу, что общение между экскурсоводом и экскурсантами представляет собой форму социального ритуала, обрамленного рамками разделяемых ожиданий в отношении друг друга (Fine, Speer 1985, p. 84).

Таким образом, исследователи согласны в том, что экскурсия всегда представляет собой нечто большее, чем простое знакомство с географическими достопримечательностями. Мы также исходим из того, что экскурсия не может быть сведена лишь к развлечению и рекреации, а имеет также большое социальное значение. При этом и сами формы и темы экскурсионного повествования во многом обусловлены экстралингвистическими, социальными факторами.

Используемая нами методология базируется на социологическом подходе. Прежде всего мы обращаемся к теории двойного структури-

рования социальной реальности П. Бурдьё. Ее концепты представляют достаточно эффективными для выявления и описания социальных рамок, обрамляющих экскурсионные нарративы. Мы рассматриваем поле экскурсионной деятельности как одно из социальных полей, на объективном уровне регулируемых социальными нормами, а на субъективном — самими представлениями экскурсоводов и экскурсантов о допустимом содержании экскурсий в зависимости от присущего им габитуса.

Под габитусом П. Бурдьё понимал сформированную в процессе социализации систему поведенческих схем, которые на практике функционируют как категории восприятия, оценивания, принципы классификации, в свою очередь, в последующем организующие тем самым и принципы действия (1994, с. 27). Кратко он определял габитус как структуры восприятия социального мира (Бурдьё 2007, с. 74), как *«социально сконструированную когнитивную способность»* (2002, с. 60).

Специфика деятельности экскурсовода заключается в том, что он наделен и символической властью, поскольку своим повествованием способен оказывать влияние на суждения людей о тех или иных исторических событиях, социальных явлениях, персоналиях, то есть формировать общественное мнение. В процессе своей работы он транслирует и усвоенную им систему представлений и оценок, в том числе и определяя границы содержания экскурсионного рассказа.

Подобный анализ содержательных рамок экскурсионных нарративов близок прагматическому подходу, поскольку экскурсионный текст отличается высокой динамичностью (Золян 2022, с. 8). Как замечают сами гиды, невозможно провести две одинаковые экскурсии. Это связано с тем, что, знакомя слушателей с историей города, местностью, культурными объектами и т. д., экскурсовод не просто декламирует какой-то готовый материал, а является также и автором и интерпретатором, активно меняя повествование в зависимости не только от языковых требований, но и социальных обстоятельств. И смыслы, и связанные с ними рамки экскурсионных нарративов весьма подвижны — на них оказывают влияние полученные знания и прошлый опыт гида, состав и настроение группы, действующие законы и предписания, актуальная политическая обстановка и т. п. Таким образом, экскурсионный нарратив обретает содержание и форму в поликонтекстуальном пространстве, вследствие чего его семантика и прагматика функционально созависимы и сложноразделимы (Там же).

В данной статье мы сконцентрируемся больше на разборе влияния социальных контекстов на дихотомию допустимого / недопустимого в экскурсионном повествовании. Мы продемонстрируем, что экскурсионные нарративы не поддаются строгому контролю и не могут быть единожды закреплены. По сути, даже самые острые темы и социальные проблемы могут быть затронуты в экскурсионном рассказе посредством помещения в контекст при должной компетентности экскурсовода.

Эмпирическую базу исследования представляют полуформализованные интервью с практикующими экскурсоводами Калининградской области. Опрос проводился осенью 2024 года, в итоговую выборку вошло двадцать интервью (м = 12, ж = 8). Рекрутирование респондентов осуществлялось из числа указанных в размещенных на сайте Министерства по культуре и туризму Калининградской области списков аккредитованных и аттестованных экскурсоводов¹ на основе метода экспертных оценок с учетом опыта гидов и на основе анализа социальных сетей.

3. Профессиональный габитус экскурсовода: влияние социализации на экскурсионные нарративы

В социальной структуре калининградского экскурсоводческого сообщества мы выделили следующие основные подгруппы и присущие им габитусы (поведенческие предрасположенности) в определении границ допустимого в экскурсионном повествовании.

1. Профессиональные гиды (опыт работы — от 10 лет), ведущие экскурсии как для турфирм, так и самостоятельно, имеющие большой опыт. В этой группе все гиды — «коренные» местные жители, они были заняты экскурсионной деятельностью еще до того, как она стала «мейнстримной». Как правило, они готовы к любым экскурсионным маршрутам по городу и области, активно разрабатывают собственные экскурсионные маршруты.

Наиболее опытные гиды-профессионалы логично демонстрируют и самую высокую степень осознанности в том, что следует и чего не следует освещать на экскурсии. За годы практики ими выработаны основные сюжеты, о которых они повествуют, и очерчены их границы. Они с готовностью называют темы (и проявляют солидарность в их определении), представляющие главное табу для экскурсовода. К ним они относят прежде всего политику и религию. Как заметила одна из опрошенных, если ты касаешься этих тем, то «ты не хороший экскурсовод», и это *«неправильно с точки зрения ведения экскурсии и теории экскурсоведения»* (ж, 53). Помимо этого, представители этой группы отметили, что стараются избегать любых остросоциальных тем, способных вызвать противоречия в группе, а также тем, касающихся интимных аспектов жизни.

Характерной чертой профессиональных гидов является сформированное и устойчивое представление о социальной значимости экскурсоводческой деятельности. Безусловно, они имеют и коммерческую заинтересованность (часть из них, к примеру, возглавляет собственные турфирмы), но в интервью они старались не демонстрировать ее. Основное внимание они обращали на социальные и культурные ценно-

¹ *Адресация* гидов, экскурсоводов. URL: <https://culture-tourism.gov39.ru/deyatelnost/gosuslugi/attestatsiya/> (дата обращения: 12.09.2024).

сти, которыми должен руководствовать экскурсовод в своей профессии, на его социальную ответственность как транслятора смыслов, «проводника истории», на необходимость предоставлять объективную информацию:

«Неважно, текущий ли этап или который был в прошлом. Мы проводники по истории, мы связь между туристом и тем, что он видит. Надо все с большой степенью нейтральности рассказывать. Где-нибудь про бытовые моменты — да, тут я могу быть субъективным, потому что именно личный опыт и дает такую интересную грань, делает нашу жизнь для туриста понятнее и интереснее. Но без моей оценки событий, которые происходили или сейчас происходят» (м, 56).

2. Опытные гиды (опыт работы — от 3 до 10 лет), имеющие специализированное или близкое образование, регулярно проходящие курсы повышения квалификации. Группа опытных гидов более многочисленна и разнородна. Среди них есть как гиды, родившиеся в Калининградской области, так и приезжие из других регионов.

Представители этой группы также разрабатывают собственные экскурсии, но не только по творческому устремлению, а также и по необходимости, поскольку вступают в определенную конкуренцию как с первой группой профессионалов, так и друг с другом. В подобной ситуации некоторые из них идут простым путем, осуществляя лишь переложение популярных сюжетов на новый лад. Но многие проявляют и достаточно высокую креативность, находя новые темы и неожиданные форматы подачи материала. Гиды здесь и более технологически подкованы. В частности, в этой группе многие активно ведут социальные сети, блоги, разрабатывают собственные сайты.

Ввиду подобной гетерогенности в группе встречаются и весьма контрастные представления о миссии экскурсовода и допустимых нарративах. Костяк группы составляют гиды, возвращенные и воспитанные упомянутыми выше «профессионалами», а потому имеющие схожие ценностные установки. Но также в этой группе явно проявляется восприятие экскурсоводческой деятельности как коммерческой услуги. Некоторые опрошенные четко и свободно говорят о необходимости клиентоориентированности. Фокус контроля переносится с экскурсовода как автора-повествователя на экскурсантов и их потребительский запрос.

3. Начинающие гиды (опыт работы — менее 3 лет). Здесь мы бы выделили границу между начинающими гидами, получившими специализированное образование, и гидами-любителями, самоучками, тем не менее заинтересованными в дальнейшем образовании и повышении квалификации. Первые достаточно конформны к усвоенным в процессе обучения нормам экскурсионной деятельности. Как правило, еще в процессе обучения они получают практический опыт, в дальнейшем — осваиваются в туристических фирмах. Среди них многие также стараются продвигать себя в социальных сетях и на туристических порталах и сайтах. Они достаточно методичны — стараются следовать подготов-

ленному плану экскурсии, соблюдать требования. Но это в чем-то выдает и их неопытность — они менее гибки в своем рассказе ввиду еще неполного багажа знаний. Их интенция — придерживаться линии повествования и не уходить в дискуссии. Примечательно, что внутренне они ощущают себя относительно свободными и пока еще глубоко не рефлексировали над тем, какие темы можно или нежелательно затрагивать.

У начинающих гидов, также опрошенных нами, этические и социокультурные рамки повествования еще сформированы недостаточно:

«Честно, нет у меня определенных рамок по временным каким-то фактам. Скажем так, я просто, возможно, чего-то не знаю, и об этом я не говорю» (м, 28).

«Ну, по крайней мере, у меня в практике такого не было. Если говорить о (неудобных) вопросах, мне таких не задавали, а в контрольном тексте экскурсии, изначально там их нет» (ж, 20).

Ситуация с гидами-самоучками сложнее — вследствие неусвоенных в процессе социализации профессиональных норм и соответствующих требований к повествованию они в основном опираются на свое чутье. Представления о должном и недопустимом у них наиболее размыты. Для них характерна высокая степень субъективации: они щедры на оценочные суждения, а недостаток глубины знаний они скрывают за эмоциональностью. Зачастую они ведут необычные и даже авантюрные экскурсии. Их можно было бы отнести и к выделенной ниже группе «серых» гидов. Но нам представляется, что между ними следует провести демаркацию по одной значимой характеристике: те, кого мы назвали «новичками-любителями», все-таки имеют представление о своих недостаточных знаниях и компетенциях, они демонстрируют стремление к дальнейшему профессиональному росту. «Серые» же гиды в дальнейшем росте квалификации не заинтересованы, более того — в большинстве неспособны оценить свой уровень знаний и осознать собственную некомпетентность.

4. «Серые» гиды — непрофессиональные гиды, не заинтересованные в получении образования, цель которых сводится в основном к получению прибыли от экскурсий. «Серые» гиды представляют собой наиболее деструктивную группу: их повествование ничем не ограничено кроме собственных желаний. Они подвергаются критике и со стороны профессионального сообщества экскурсоводов, у которых появилось даже специфическое слово для их обозначения — «таксогиды». Объясняется это понятие тем, что многие «серые» гиды оказывают услуги такси и в процессе осуществления этой деятельности рекламируют клиентам свои туристические услуги. Но среди «серых» гидов встречаются и другие непрофессионалы, проводящие экскурсии, которые иногда могут быть даже опасными для жизни.

Таким образом, социальная структура сообщества калининградских гидов является достаточно разнородной. Ее костяк составляют профессиональные и опытные гиды — они отвечают за самое важное смыслообразующее ядро экскурсионных нарративов, за счет которого, помимо

прочего, осуществляется вход в профессию новых кадров. Многие из них преподают, активно участвуют в общественной жизни, в воспитании молодого поколения, в приобщении к истории края местного общества, в разработке социально значимых экскурсионных маршрутов. Поддержка этой деятельности имеет ключевое значение для сохранения и трансляции исторической памяти. Тем не менее активное туристическое развитие региона способствует приходу в профессию большого количества новичков, а также распространению «серого» туризма, который может наносить символический вред образу Калининградской области.

4. Экскурсовод под вопросом: социальный контекст экскурсионной ситуации и эффекты групповой динамики

В предыдущем разделе мы уделили внимание описанию роли социализации в обеспечении определенной степени подготовленности экскурсоводов к ситуации экскурсии. Однако реальная практика, очевидно, далеко не всегда укладывается в усвоенный стандарт. Вступая во взаимодействие друг с другом, экскурсовод и экскурсанты образуют группу, и, соответственно, находятся под влиянием процессов групповой динамики. Коммуникация на экскурсиях носит двусторонний интерактивный характер, на содержание экскурсионного повествования оказывают постоянное влияние сами экскурсанты. Проявляется это влияние в нескольких формах, среди которых самая распространенная — вопросы слушателей. Эти вопросы зачастую могут быть неожиданными, неудобными, даже провокационными, и касаться тех тем и проблем, которые изначально должны были остаться за рамками экскурсий.

В проведенных нами интервью калининградские гиды выделили целый спектр подобных вопросов от слушателей, которые затрагивали весьма сложные и острые темы как по истории региона, так и по его современности. Представляется, что количество вопросов, задаваемых калининградским гидам, особенно велико вследствие нетипичного для других российских регионов немецкого прошлого региона. Как отмечают опрошенные экскурсоводы, многие туристы ожидают увидеть в Калининграде больше немецкой архитектуры:

«Многие не знают про разрушение города, они почему-то думают, что здесь, как в Таллинн, приезжаешь — и вот он, старый город, не надо думать, в него заходишь, и там все улочки старые» (ж, 41).

«Многие люди, которые к нам приезжают впервые, посмотревшись фотографий нашего города, с полной уверенностью думают, что они приедут и перед ними здесь будет а-ля Прага, Варшава, что здесь будет сугубо практически везде готика, что никаких хрущевки они здесь не увидят» (ж, 34).

С послевоенными реалиями калининградской истории экскурсанты, как правило, знакомы поверхностно:

«Граница для них — Великая Отечественная война. Они все понимают, что раньше здесь была Германия до войны, были немцы, потом первые советские переселенцы. <...> А вот дальше, чем регион живет, что здесь происходит, знают мало». (ж, 34).

Поэтому много вопросов вызывает период образования Калининградской области, а именно — депортация немецкого населения, заселение области советскими гражданами:

«От этого факта никуда не деться, потому что туристы спрашивают: "Скажите, а где немцы-то все?"» (м, 42).

«Живут ли у вас немцы? Частый вопрос, потому что многие думают, что немцы до сих пор здесь остались и проживают в каких-то количествах еще с 1945 года» (м, 37).

Здесь гиды выбирают стратегию обобщенного рассказа, проявляя и самоцензуру: *«В детали не углубляешься, потому что многих это может травмировать» (м, 42).*

В современной ситуации накала информационной войны гиды зачастую вынуждены опровергать и различные фейковые материалы, распространяемые в интернет-среде. Одним из них является, например, миф о том, что Калининградскую область заселяли заключенные. В подобных случаях гиды стараются обращаться к логике, а также подтверждать ложность подобных мистификаций документально:

«Я обычно говорю: подумайте сами, какие эки, какие ссыльные, здесь приграничная территория, плюс ко всему остальному, огромное количество брошенного оружия в послевоенное время. И в качестве доказательства обычно приводим документы. Они в сети есть, их можно спокойно распечатать, где показывается, что набирали передовиков производства, набирали людей семейных, то есть ответственных. И старались ни в коем случае не брать с судимостью» (м, 42).

Не представляется возможным и полностью обойти тему религии. В случае Калининградской области ее дополнительно актуализирует наличие в ее символическом пространстве символов католической и протестантской веры — костелов и кирх. Более того, вызывает большое удивление то, что некоторые из них теперь преобразованы в православные церкви, а в иных вообще размещены светские учреждения, как, например, театр кукол в бывшей кирхе памяти королевы Луизы в Калининграде.

Еще один факт, требующий дополнительного разъяснения, — принадлежность Русской православной церкви ряда тевтонских замков. Сами гиды могут иметь свое субъективное мнение, касающееся перечисленных обстоятельств. Тема передачи церкви замков и кирх не раз обострялась во внутреннем общественном дискурсе Калининграда:

«Тут такая узкая тема — это РПЦ и то, что ей принадлежат замки, потому что это всегда вызывает недоумение. Поэтому я не знаю, впадать ли в дискуссию» (м, 46)

Опытные гиды стараются быть максимально осторожными в освещении этих фактов, принимая во внимания, что среди их слушателей могут одновременно присутствовать и воцерковленные, и атеисты.

«По религиозным, скажем так, я сам, как атеист, но с уважением отношусь к любому виду религии, поэтому я в равной степени рассказываю про евреев, которые здесь живут, и про синагоги, которые здесь были, и про то, что мусульманские мечети у нас есть. В принципе неважно, какой люди религии, но у всех свои взгляды на это, поэтому лишний раз стараюсь не педали-

ровать эту тему. Конечно, когда мы проходим по площади Победы в Калининграде, я рассказываю про наш Собор Христа Спасителя. Куда же без этого, это действительно важный и красивый доминант нашего города. Когда мы проезжаем мимо каких-то католических соборов, я рассказываю обязательно про них вне зависимости от того, какой религии люди придерживаются, но, опять же, не выпячивая одну религию над другой» (м, 35).

Также гиды отметили, что достаточно часто сталкиваются с вопросами, касающимися «лихих девяностых»: преступности, социальных проблем, девиантного поведения. В этом случае экскурсоводы стараются показать ситуацию на контрасте «было — стало»: продемонстрировать, что проблема в Калининграде успешно преодолена. Как отметил один из опрошенных, закончить рассказ «хэппи-эндом» (м, 42).

Большое количество вопросов, как отмечают гиды, касается и жизни местного населения:

«Всегда интересно послушать рассказы от местных, как живет на той или иной земле. Какие здесь свои плюсы, минусы, особенности. <...> Гости чаще всего сами спрашивают. Не приходится даже самой к этому подводить» (ж, 36).

«Многие про это спрашивают: “Вы вообще чувствуете себя в России?” Я говорю: “Ну да, а какая еще может быть у нас страна? Мы в ней живем, у нас российские паспорта, мы говорим по-русски”. Может быть, мы нечасто ездим в Россию, в другие регионы, но, мне кажется, у калининградцев редко есть представление о том, что это что-то иное...» (ж, 41).

Таким образом, в случае Калининградской области стратегия избегания неудобных вопросов и связанных с ними нарративов далеко не всегда эффективна. Интерес к ним проявляют сами экскурсанты в стремлении прояснить неизвестные им сюжеты сложной истории региона, непонятные особенности современных реалий, специфики местной жизни, несколько отличной от привычной для них среды. Поэтому в профессиональном арсенале калининградских гидов, как правило, уже есть заготовленные осмысленные ответы, благодаря которым они могут сгладить ситуацию. Опытные экскурсоводы проявляют готовность к выходу за привычные границы рассказа и к тому, чтобы «поразмыслить» вместе со слушателями. В отличие от начинающих они также не боятся показаться некомпетентными и готовы честно признать, что не знают ответ на какой-то вопрос:

«Если ты не знаешь ответа на вопрос, я говорю: знаете, мне не хватает просто какой-то информации, я не буду вас вводить в заблуждение и готовым ответить через секунду на ваш любой вопрос я не смогу, извините. Там несколько дней мы с ними путешествуем. Я постараюсь раздобыть интересную информацию, чтобы ответить на ваш вопрос» (м, 37).

Гиды отмечают, что уровень ограничений в рассказе возрастает в зависимости от размера и характеристик группы экскурсантов. В своих изложениях они более свободны на небольших экскурсиях, там же интенсивнее и коммуникация со слушателями. Крупные группы больше представляют собой социальные аудитории: в них меньше интеракций с экскурсоводом, и рассказ носит более строгий и официальный характер.

Еще один весомый фактор, который учитывают гиды при донесении материала до аудитории, — сензитивность. Зачастую экскурсионные нарративы касаются чувствительных для слушателей тем. Ввиду этого профессиональные экскурсоводы должны обладать достаточно развитым эмоциональным интеллектом, уметь осторожно и безболезненно для экскурсантов освещать исторические и социальные явления, а также события, вызывающие сильные переживания.

Калининградские экскурсоводы к подобным сензитивным, чувствительным темам отнесли тему Холокоста, нацистских лагерей:

«Я обычно не говорю про концлагеря, которые находились на территории Восточной Пруссии. То есть мы такую тему вообще не затрагиваем, крайне людям тяжело это слушать. Поначалу, да, что-то рассказывала, но впоследствии уже поняла, что лучше вообще исключить» (ж, 24).

«В общем, мы, конечно, про все говорим, но иногда бывают такие темы сложные, например, Холокост. Понятно, что он здесь тоже был в Амалиенау у половины населения. Но говорим про это не всегда, потому что разные люди бывают» (ж, 41).

Многие гиды вообще стараются, по мере возможности, обходить в рассказе нацистский период:

«По этическим причинам я стараюсь по минимуму рассказывать про фашистский период на этой земле. Конечно, частично невозможно его не затронуть, как-никак, это тоже часть нашей истории, но вскользь, скажем так» (№ 20 м, 35).

«Не сильно популярна тема периода нацистского, я бы сказала. Это как-то сколько обычно в любом случае упоминается. Но как-то в это погружаться сильно даже и не хочется» (ж, 36).

Итак, на основе вышесказанного можно сделать вывод, что отношения между экскурсоводом и слушателями носят куда более сложный характер, чем просто «коммуникатор — реципиенты». Гиды находятся в ситуации интенсивных социальных взаимодействий с экскурсантами, а экскурсионные нарративы являются частью более сложных символических интеракций.

5. Символическая власть экскурсовода: институциональный контроль экскурсионных нарративов

На приведенных в предыдущем разделе примерах экскурсионного взаимодействия уже можно сделать вывод о том влиянии, которое оказывают экскурсоводы на представления экскурсантов о местности, характере исторических событий, социальных явлениях и т. п.

Так, антрополог Ноэл Б. Салазар определяет роль экскурсовода как культурного посредника (cultural broker) (Salazar 2014). Она проявляется на самых различных уровнях — от консолидации местного населения относительно восприятия территориальных процессов до формирования образа страны на международной арене (Белецкая 2024, с. 82). Таким образом, экскурсовод оказывает влияние на формирова-

ние общественного мнения и, соответственно, обладает символической властью, поэтому неудивительно, что деятельность экскурсоводов и экскурсионные нарративы всегда находятся под пристальным вниманием политических сил.

В случае Калининградской области политический интерес к содержанию экскурсий активно проявлялся на всем протяжении ее существования — и под влиянием ее немецкого прошлого, и ввиду ее специфического географического положения.

Так, В. Н. Маслов, анализируя на основе архивных документов работу калининградских экскурсионных бюро за 1964–1975 годы, отмечает, что в советское время они «действовали в рамках сформулированных властью приоритетов в освещении исторического прошлого страны и области» (2017, с. 84). Иными словами, экскурсионные нарративы подчинялись общей идеологической системе (Костюк 2017, с. 97). Главные запреты в то время касались темы немецкого прошлого Калининграда, повествование о котором ограничивалось (Маслов 2017, с. 78) и осуществлялось с преобладающей негативной коннотацией (Там же, с. 79)¹. Основные исторические нарративы были посвящены российской военной и революционной деятельности на территории Восточной Пруссии, событиям Великой Отечественной войны (штурму Кёнигсберга, Восточно-Прусской операции и т. п.), социальные — формированию представлений о Калининграде как городе-труженике (Там же, с. 78–80).

С распадом Советского Союза постепенно снижалось и табуирование экскурсионных нарративов, связанных с немецким прошлым. Наши респонденты связывают это в том числе с ростом туристического интереса к Калининградской области. Сохранившиеся немецкие объекты и достопримечательности представляют наибольший интерес для жителей других городов России.

В то же время чрезмерное углубление в немецкую историю и сегодня вызывает у властей очевидные опасения, связанные с размыванием идентичности местного населения, опасениями появления сепаратистских настроений и т. п. Часть опрошенных гидов отмечает, что в настоящий момент становится сложно освещать советский период истории, поскольку он вызывает мало интереса у туристов.

Тем не менее в большинстве своем калининградские профессиональные гиды осознают возложенную на них ответственность в репрезентации образа области:

¹ Негативная коннотация ярко выражена в примерах названий экскурсий, которые приводит В. Н. Маслов: «Например, в первой половине 1970-х гг. слушателям курсов при Калининградском бюро путешествий и экскурсий предлагалось изучить темы “Восточная Пруссия в период фашизма — плацдарм агрессивных действий германского милитаризма”, “Кёнигсберг — первоклассная военная крепость”. В Светлогорском экскурсионном бюро намечалась лекция “История возникновения Прусского государства как очага войн, оплота германского милитаризма”» (2017, с. 79).

«Естественно, наша задача, поскольку мы экскурсоводы, гиды, мы же представляем Калининградскую область, представить ее достойно во всех ее проявлениях, в том числе современных, экономических, на что обращают внимание приезжие» (м, 37).

Экскурсоводы также стараются избегать и обсуждения современной внешнеполитической обстановки:

«Разные люди имеют совершенно разные взгляды на события, которые происходят, поэтому, разумеется, в этом я не заинтересован» (м, 40).

«Иногда, бывает, гости спрашивают, как вам здесь, потому что мы все-таки отдалены от России, от основной части, и что здесь страны НАТО вокруг. Стараюсь как-то от этой темы все-таки отойти. Говорю, что достаточно безопасно, и стараюсь все-таки в другое русло перевести разговор» (ж, 24).

«Я в целом в своей жизни отношусь так, что политику каждый выбирает сам под себя, и эти споры бесполезны. Поэтому всего этого я избегаю. Про современные (политические) события я в принципе никогда, нигде и ни в каком контексте не упоминаю, потому что у каждого человека есть свое право на свое мнение на этот счет. И всячески уворачиваюсь от вопросов, что, допустим, капиталисты плохие, коммунисты хорошие или что-нибудь подобное. Никогда не перехожу на тему политики» (м, 35).

Если экскурсия большая и выполняется по заказу от турфирмы, уровень ограничений возрастает:

«Там надо контролировать то, что говоришь и когда говоришь, особенно что касается, к примеру, религиозного вопроса» (м, 29).

Также на характер и содержание экскурсионных нарративов воздействуют экономические процессы. В массовом обществе рекреационный туризм является неотъемлемой частью «культурной индустрии». В результате экскурсоводы в своих повествованиях постоянно балансируют между просветительской и развлекательной функцией экскурсий. Для получения коммерческих прибылей экскурсоводы вынуждены проявлять высокую степень клиентоориентированности. Подобная ситуация, в свою очередь, размывает представления о социальном значении экскурсоводческой деятельности. Гид начинает восприниматься лишь как представитель сферы услуг, который должен выполнять любые требования потребителя. В крайней форме это проявляется в отношении к экскурсии лишь как к туристическому аттракциону или просто приятному времяпрепровождению, а также в отсутствии интереса к экскурсионным нарративам как таковым:

«У меня был однажды случай на Куришской косе, я ездил с дочкой и мамой. Обеим история Куришской косы была вообще фиолетова. У дочки было желание на двух локациях, которые она видимо у кого-то уже подсмотрела, сфотографироваться в новой обновке. Вот мы приехали на две точки, она поменяла шляпки, кофточки и виды, сфотографировалась, и мы поехали обратно» (м, 56).

Под влиянием растущего отношения к экскурсии как к развлечению экскурсоводы активно вплетают в свои рассказы легенды и мифы, стараясь удержать зрительский интерес. Конечно, мифотворчество всегда было присуще экскурсионному жанру, представляя собой и средство выразительности, и способ познания бытия другого (Микитинец,

Слободяник 2024, с. 166). Тем не менее сегодня нередка ситуация, когда легенды и мифы начинают превалировать над истиной, исторической и социальной достоверностью, искажать факты. Также они могут вырождаться и в деструктивные по своему характеру байки, основанные на предрассудках и провоцирующие закрепление негативных социальных стереотипов.

По этой причине, хотя легендарий Кёнигсберга-Калининграда весьма богат, профессиональные гиды с осторожностью относятся к вплетению в свой рассказ мифов и легенд.

«(Не затрагиваю) мистические (темы), когда люди начинают говорить: “О Боже, давайте поговорим про лаборатории какие-то, что там происходило?” Я в это не верю, что на острове Канта были лаборатории каких-то там исследователей, потому что почвы там такие, которые это вроде как не позволяют сделать. В общем-то, наверное, многие вещи мы можем затрагивать, кроме вот этих легенд. Легенды иногда и на моих экскурсиях встречаются, но это просто легенды про памятники» (ж, 41).

«Ну да, да, Янтарная комната, вот как раз это тоже ж легенда, и люди все-таки говорят, что надо искать, и найти эту Янтарную комнату. Она точно у вас там закопана, вы не все тут раскопали еще, ну и так далее. Наверняка она там может быть где-то залита водой, понятно, что это дело серьезное, надо, значит, искать» (м, 76).

По мнению опрошенных особенно грешат различными мистификациями «серые» гиды, маскируя тем самым свое незнание исторических реалий:

«Да, заблуждения, конечно, есть. Многие почему-то считают, что мы тут все по-немецки изначально говорим. Что мы все владеем немецким языком. И потом вот эти вот легенды, что здесь существует подземный город. Особенно если они (туристы) попадают в руки таксистов, то всё. Это неквалифицированные совершенно люди, которые такую ерунду несут. Хорошо, если еще “таксигид” попадется, который любит наш город. А бывает, что их встречают в аэропорту, говорят: “Зачем вы приехали? Тут смотреть нечего!”» (ж, 55).

Здесь мы видим, что в самой среде экскурсоводов происходит внутригрупповое регулирование содержания экскурсий. Опытные гиды проявляют большую включенность в то, какие темы и сюжеты затрагиваются их коллегами, а также стремятся проявлять участие в обучении молодого поколения, воспитании в них любви к профессии, к краю, формировании личной ответственности. Многие из респондентов очень положительно отзывались о той помощи, которую им оказывали коллеги. Поэтому одной из основных мер поддержания качества экскурсионной деятельности и содержания экскурсионных сюжетов является поддержка профессиональных сообществ гидов и экскурсоводов.

6. Выводы

На содержание и тематические границы экскурсионных нарративов оказывает воздействие целый ряд социальных факторов. Они формируются под влиянием актуальных политических, экономических и

культурных контекстов, которые могут быть весьма противоречивы. Это хорошо иллюстрирует калининградский кейс, в котором особенно остро проявляются основные дилеммы современного экскурсионного дискурса. Достижение баланса между исторической достоверностью и политическим курсом, просвещением и развлечением, истиной и мифом в экскурсионном рассказе является нетривиальной задачей для калининградских экскурсоводов.

Поскольку экскурсионные нарративы являются одним из основных каналов трансляции территориальных смыслов и репрезентации образа места, его истории, жизни местного населения, их функция не может быть сведена лишь к рекреационной. Экскурсоводы в современном обществе сохраняют роль культурного посредника, способствуя социальной интеграции.

Обладая способностью влиять на общественное мнение, экскурсовод является не просто повествователем, но и символическим актантом. По этой причине на экскурсионные нарративы всегда стремится воздействовать и политическая власть. Сегодня деятельность экскурсоводов также серьезно регулируется: согласно Федеральному закону от 20.04.2021 г. № 93-ФЗ с 1 июля 2023 года российские экскурсоводы должны проходить обязательную аттестацию. Хотя большинство опрошенных нами гидов поддерживают ее введение, нельзя утверждать, что она решает все проблемы, касающиеся компетентности экскурсоводов и содержания экскурсионных нарративов. Аттестация скорее выполняет фильтрующую функцию, ограничивая деятельность откровенных непрофессионалов и «серых» гидов (Стаина, Хусанова 2024, с. 64). Тем не менее на самой экскурсии гид остается, по сути, предоставлен самому себе, особенно если является индивидуальным предпринимателем.

Поэтому основным каналом усвоения социальных требований, формирования ценностной позиции и осознания социальной значимости экскурсионной деятельности остается социализация, включающая в себя качественную профессиональную подготовку. Эффективными мерами ее стимулирования являются доступность образовательных услуг, снижение стоимости курсов повышения квалификации, распространение достоверных и современных материалов для подготовки к экскурсиям и т.п. Большое значение имеет и поддержка профессиональных ассоциаций гидов и экскурсоводов, обеспечивающих обмен мнениями, введение в профессию начинающих экскурсоводов, передачу традиций и формирование преемственности.

Кроме этого, большую роль играет повышение общественного статуса экскурсоводческой деятельности, ее положительное освещение в СМИ, а также ее социальная и экономическая поддержка. Этому может служить привлечение представителей экскурсоводческого сообщества к общественно значимой деятельности, преподаванию, грантовое стимулирование, проведение профессиональных праздников и т.п. Важным фокусом здесь должно быть укрепление символического авторитета экскурсовода, продвижение в обществе его образа как проводника истории, культурного посредника, творца смыслов.

Список литературы

Анциферов, Н. П., 1922. *Душа Петербурга*. Петербург. [Antsiferov, N. P., 1922. *The Soul of Petersburg*. St. Petersburg (sic!) (in Russ.)].

Белецкая, Т. В., 2024. Социальный статус экскурсовода как культурного посредника в трансляции символических смыслов. *Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение*, 3, с. 77–90. [Beletskaya, T. V., 2024. Social status of the tour guide as a cultural broker in the transmission of symbolic meanings. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, 3, pp. 77–90 (in Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2024-3-77-90>, EDN: QWOGDB.

Бурдьё, П., 1994. *Начала. Choses dites*. М. [Bourdieu, P., 1994. *The beginning. Choses dites*. Moscow (in Russ.)].

Бурдьё, П., 2002. Формы капитала. *Экономическая социология*, 3 (5), с. 60–74. [Bourdieu, P., 2002. Forms of capital. *Journal of Economic Sociology*, 3 (5), pp. 60–74 (in Russ.)] EDN: OYUVRD.

Бурдьё, П., 2007. *Социология социального пространства*. М.; СПб. [Bourdieu, P., 2007. *Sociology of Social Space*. Moscow; St. Petersburg (in Russ.)].

Грачева, Е. Н., Востриков, А. В., 2024. Экскурсия И. М. Гревса по Васильевскому острову в контексте «гуманитарного краеведения». *Культурная история*, 2, с. 13–77. [Gracheva, E. N. and Vostrikov, A. V., 2024. Ivan Grevs's Walking Tour of Vasily's Island in the Context of "Human-Centered Local History". *Cultural history*, 2, pp. 13–77 (in Russ.)] <https://doi.org/10.33280/3034-3216.2024.36.56.001>.

Емельянов, Б. В., 2007. *Экскурсоведение*. М. [Yemelyanov, B. V., 2007. *Guided tours*. Moscow (in Russ.)].

Золян, С. Т., 2022. Прагмасемантика — интерфейс и механизм смыслообразования. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 2 (2), с. 7–18. [Zolyan, S., 2022. Pragmasemantics — an interface and mechanism of meaning production. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), pp. 7–18 (in Russ.)] <https://doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.01>, EDN: PEDLEX.

Костюк, А. П., 2017. Подготовка и переподготовка экскурсоводов как фактор повышения качества экскурсионной деятельности в Калининградской области (1960–1980-е гг.). *Калининградские архивы*. Вып. 14. Калининград, с. 96–105. [Kostiuk, A. P., 2017. Training and retraining of tour guides as a factor in improving the quality of excursion activities in the Kaliningrad region (1960–1980s). In: *Kaliningrad archives*. Issue 14, pp. 96–105 (in Russ.)].

Маслов, В. Н., 2017. Экскурсионная деятельность и формирование исторической памяти калининградцев в 1964–1975 годах. *Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 4, с. 77–84. [Maslov, V. N., 2017. Excursion activities and the formation of the historical memory of Kaliningrad residents in the years 1964–1975. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*, 4, pp. 77–84 (in Russ.)].

Микитинец, О. И., Слободяник, Ю. А., 2024. Транслирующая функция экскурсии как нарратива культуры. *Общество: философия, история, культура*, 3, с. 162–167. [Mikitinets, O. I. and Slobodyanik, Yu. A., 2024. Broadcasting Function of the Excursion as a Cultural Narrative. *Society: Philosophy, History, Culture*, 3, pp. 162–167] <https://doi.org/10.24158/fik.2024.3.21>, EDN: LCEYJF.

Стаина, О. А., Хусанова, Р. Б., 2024. Проблемы современного экскурсовода: миссия, профессия, аттестация. *Управление культурой*, 3, с. 57–65. [Staina, O. A. and Khusanova, R. B., 2024. Problems of a Modern Guide: Mission, Profession, Certification. *Managing of Culture*, 3, pp. 57–65 (in Russ.)] <https://doi.org/10.70202/2949-074X-2024-3-3-57-65>, EDN: PWOYLK.

Fine, E. C. and Speer, J. H., 1985. Tour guide performances as sight sacralization. *Annals of tourism research*, 12 (1), pp. 73–95, [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(85\)90040-4](https://doi.org/10.1016/0160-7383(85)90040-4).

Salazar, N. B., 2014. Culture broker. In: J. Jafari and H. Xiao, eds. *Encyclopedia of Tourism*, pp. 1–2. https://doi.org/10.1007/978-3-319-01384-8_499.

Об авторах

Татьяна Витальевна Белецкая, старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-9446-971X

E-mail: beletsкая.t@gmail.com

Максим Евгеньевич Мегем, кандидат исторических наук, директор Центра исследований исторической памяти, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6412-9119

E-mail: Mmegem@kantiana.ru

Для цитирования:

Белецкая Т. В. Мегем М. Е. О чем (не) молчат экскурсоводы: к вопросу о социальном регулировании экскурсионных нарративов (на примере Калининградской области) // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №4. С. 72–89. doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

WHAT TOUR GUIDES ARE (NOT) SILENT ABOUT: ON THE SOCIAL REGULATION OF TOUR NARRATIVES (the case of the Kaliningrad region)

Tatiana V. Beletsкая, Maxim E. Megem

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 03.06.2025

Accepted on 15.07.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-4

The article analyzes the social factors that influence the content of tour narratives. Based on interviews with tour guides from Kaliningrad, the study identifies the main social requirements of guiding practice and the corresponding constraints these impose on narration. Among the key social regulators of tour narratives, the article highlights the process of socialization, the social context of the excursion itself, where group dynamics come into play, as well as institutional control. The study demonstrates that the guide is a bearer of symbolic power, manifested in the ability to ascribe meaning to objects and events, and, thereby, shape public opinion. In this sense, the guide moves beyond the role of a mere narrator, assuming the function of a creator of meanings. Guided tours perform an important social function, fostering a positive image of the territory, its history, and culture for visitors. In this regard, particular attention is paid to the political regulation of the goals and content of excursions.

The study concludes that strict administrative control over tour narratives proves ineffective. The structure and content of excursions are primarily shaped by the presence of a well-developed professional habitus among guides – one that includes an awareness of the social significance of their work, a sense of social responsibility, strong communication skills, and a genuine love and respect for the region, its history, and its inhabitants.

Keywords: tour guide, tour narrative, habitus, social context, symbolic power, Kaliningrad region

The authors

Tatiana V. Beletskaya, Senior Lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: beletskaya.t@gmail.com

Dr Maxim E. Megem, Director, Centre for the Study of Historical Memory, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6412-9119

E-mail: Mmegem@kantiana.ru

To cite this article:

Beletskaya, T.V., Megem, M.E., 2025, What tour guides are (not) silent about: on the social regulation of tour narratives (the case of the Kaliningrad region), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol 16, no. 4, pp. 72–89. doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))